
Н.В. Квливидзе

ШЕСТВИЕ: ИКОНОГРАФИЯ И ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВО В ЭПОХУ ИВАНА ГРОЗНОГО

В статье изучаются новгородские и московские литургические памятники чина в Неделю ваий – «шествия на ослате» в Вербное воскресенье, в сопоставлении с византийским обрядом с целью установления причин и времени появления в московском литургическом действе царя. Особенностью московского богослужебного чина, изображавшего Вход Господень в Иерусалим, было участие в шествии царя, ведшего под уздцы наряженную ослом лошадь, на которой сидел митрополит. Уподобление царя конюшему или конюху восходит к раннесредневековому литературному памятнику «Константинов дар», где в такой роли выступает император Константин, поддерживающий стремя коня римского папы Сильвестра, выказывая ему тем самым особое почтение как преемнику апостола Петра. Считалось, что это сочинение, в котором епископское достоинство и власть возводится на исключительную высоту, отразившееся в новгородской литературе («Повесть о белом клобуке»), повлияло на форму чина в Неделю ваий новгородского Софийского собора, перенесенного в Москву при митрополите Макарии. Проведенное исследование показало, что в новгородском обряде не обнаруживается влияние Константинова дара. Точно соответствуя древнейшим шествиям в Вербное Воскресенье, совершавшимся в Иерусалиме, новгородский чин литургически воспроизводил именно евангельское событие. Анализ текстов Стоглавого собора позволил определить, что Московские шествия, или литии были установлены согласно Указу в 1551 г. Значение шествий как богослужебной формы подтверждается иконографически (икона «Благословенно воинство небесного царя»). Идеиное содержание литий как молебного прошения, сформулированное в Указе, совпадает с литургическими произведениями (Чин венчания на царство), посланиями и художественными программами (роспись Золотой палаты московского Кремля) митрополита Макария, направленными на формирование идеального образа православного царя, главной чертой которого является благочестие – залог благоденствия его государства. Участие Ивана Грозного в «Шествии на ослате», по нашему мнению, можно отнести к числу литургических деяний митрополита Макария.

Ключевые слова: древнерусское богослужение, шествие в вербное воскресенье, иконография

Во второй половине XVI – XVII в. в практике Русской церкви существовало несколько особых чинопоследований, связанных с празднованием Начала индикта, Воздвижения Честного Креста, Рождества Христова, Прощеного воскресенья, Вербного воскресенья, Великого Четверга, Великой Пятницы (Никольский 1885. С. 50). Эти службы имели особые названия: Чин летопровождения, Пещное действо, Действо Страшного суда, Чин действия в Неделю ваий, Чин умоления ног, Чин умоления мощей. Богослужения отличались от других праздничных служб яркими обрядовыми особенностями. Среди них особой церемониальной выразительностью отличался чин, который совершался в праздник Входа Господня в Иерусалим или в Неделю ваий (ваия гр. – пальмовая ветвь). Тот же праздник на Руси назывался Цветоносная неделя или Вербное Воскресенье. В честь воспоминания торжественного Входа Иисуса Христа в Иерусалим был разработан особый богослужебный обряд, который являлся литургическим воспроизведением Евангельского события. Чин получил название «шествие на ослиати». В московских процессиях принимал участие царь, ведущий в поводу «осля», на котором сидел патриарх, в чем «власть духовная... видела выражение царского смирения» (Там же. С. 46). Когда и почему появился в Москве этот чин, было неизвестно уже во второй половине XVII в. Так, на вопрос о происхождении обряда шествия на ослиати отцы поместного собора 1678 г. отвечали, что «обычай этот на Руси попустился только благочестия ради венценосцев», и ни устного, ни в книгах «ни малейша того действия обретется воспоминание» (Там же). Исследовательский интерес к особенностям богослужения Недели Ваий проявился во второй половине XIX – начале XX в. в работах историков – литургистов в связи с изучением и публикацией древних типиконов. Внимание ученых было сосредоточено на деталях обряда, составе песнопений, особенностях иерусалимских и константинопольских уставов, их взаимного влияния (Дмитриевский 1907. С. 117–120). В это же время публикуются и исследуются русские литургические памятники, содержащие изложение чина (Дмитриевский 1884; Голубцов 1889; Голубцов 1907)¹. В дальнейшем в работах, посвященных русскому обряду «шествия на ослиати», рассматривается, главным образом, участие в нем царя, взаимное положение в действе светского и духовного владыки, и анализируются исторические обстоятельства возникновения и развития этого ритуала, а также выявляется литературный источник, повлиявший на его оформление – «Константинов дар» (*Donatio Constantini*), в котором император Константин говорит о себе как о конюшем папы Сильвестра «придерживая стремя

¹ Исторический обзор православного богослужения праздника Входа Господня в Иерусалим представлен в статье: Желтов 2005. С. 41–48.

его коня, сослужили ему, из почтения к блаженному Петру, страторскую службу» (Ostrogorsky 1935; Успенский 1998. С. 450–453; Турилов 2015). Попытки выявить смысл данного явления сдвигают фокус в сторону семиотических исследований, в центре которых по-прежнему образ царя (Успенский 1998. С. 440–461). По мнению исследователя, «таким образом утверждалась сакральность царской власти, которая определялась ее отношением к власти духовной» (Там же. С. 445). Анализ смыслового содержания обряда, проблематике репрезентации в ходе пышного шествия характера отношений царя и патриарха в XVII столетии посвящен еще ряд работ (Скрипкина 2011; Сазонова 2015). Интерпретации иконографических деталей обряда, уподобления процессии изображению на иконах Входа Господня в Иерусалим и восприятия самого действия как своеобразной живой иконы, в которой выражается идеология московского царства, уделено особое внимание в работах М. Флайера (Flier 1992a; 1992b; 1994; 1997). В контексте направления исследований, изучающих создание сакральных пространств, «шествие на ослиати» рассматривается как художественное явление, элементы которого формируют у участников образ святого града Иерусалима (Лидов 2006. С. 22–23; 2009).

Несмотря на столь обстоятельное исследование этого литургического обряда остается ряд вопросов, нуждающихся в дополнительном изучении. Прежде всего, необходимо вновь обратить внимание на то, что Чин действия в Неделю ваий является одним из видов церковной службы, и, если вместо ставшего привычным слова «шествие», акцентирующего внимание на драматургической стороне происходящего, употребить «литания» или «лития», то становится очевидно, что вопрос, почему в XVI в. в Москве вводится этот вид городского богослужения, не традиционный для уставных обычаев столицы Русского царства, по-прежнему нуждается в изучении. Это представляется необходимым также в связи с одновременным развитием темы шествия в московском искусстве, самым выразительным примером которого является икона «Благословенно воинство Небесного Царя» (Подобедова 1972; Квливидзе 1998; Сорокатый 1999)².

В науке конца XIX – начала XX в. утвердилось положительное мнение об участии императора вместе с патриархом в константинопольской литии в Неделю Ваий (Дмитриевский 1907. С. 121) и о влиянии этого обряда на новгородский, а затем и московский чин (Красносельцев 1895. С. 36–37). Впоследствии А.А. Дмитриевский в статье, специально посвященной патриаршему константинопольскому богослужению праздника Входа в Иерусалим в IX–X вв., отмечает, что император не принимал в

² И.А. Шалина датирует икону «Благословенно Воинство Небесного Царя» до 1533 г. (Шалина 2021).

нем участия, присутствуя вечером Лазаревой субботы и в Неделю ваий на службах только в дворцовых церквях, а затем в тронном зале проводя прием и торжественную церемонию поздравления придворных чинов и представителей многочисленных городских благотворительных учреждений (Дмитриевский 1928). Современные литургисты связывают русское богослужение праздника с влиянием Иерусалимского устава (Желтов 2005. С. 46). Однако обращение к литургическим источникам не проясняет причин, по которым в московской процессии Вербного Воскресенья обязательно участие царя. Наблюдение об ориентированности обряда на икону Входа в Иерусалим (Flier 1992a. С. 66; Лидов 2009. С. 24–25) также не отвечает на вопрос о роли царя, поскольку ни христианская иконография праздника, ни греческие типиконы не упоминают светских властителей в этом богослужении. Между тем изучение новгородских типиконов позволяет объяснить иконографические детали некоторых икон «Входа Господня в Иерусалим» и целых иконных комплексов, появление которых связано с характером служб новгородского Софийского собора, сохранившего особенности Устава Великой константинопольской церкви (Евсеева 2023)³. Устав новгородского Софийского собора, подробно описывающий приготовление к шествию и саму процессию, содержит детали, которые могут помочь в анализе московского литургического чина середины XVI в.⁴

Вход Господень в Иерусалим с некоторыми отличиями описан всеми Евангелистами (Мф 21. 1–11; Мк 11. 1–11; Лк 19. 28–40; Ин 12. 12–19). Иисус сидел на молодом осле, покрытом одеждами апостолов, а множество народа, вышедшего из города навстречу, держали в руках пальмовые ветви, восклицая: «Осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних!», называя Христа Царем Израилевым, и дети постилали на дорогу под ноги ослу свои одежды. Иконография праздника, сложившаяся в IV в., не претерпела на протяжении своей истории сюжетных изменений (илл. 1). Также в древнейший период оформилось литургическое шествие с ветвями в Неделю ваий. О литании в день праздника Входа Господня в Иерусалим рассказывается в Паломничестве Этерии конца IV в. В этот день все вместе с епископом собирались на Елеонской горе, откуда процессия клириков и ми-

³ Л.М. Евсеева указывает на обратное влияние обряда на иконографию, вследствие чего на новгородской иконе XV в. в руках у Христа изображен не свиток, а Евангелие, держа которое ехал на «осляти» новгородский архиепископ (Евсеева 2023. С. 29). Следует отметить, что изображение Христа с книгой, придерживаемой у груди левой рукой известно в западноевропейской иконографии Входа в Иерусалим, например, на миниатюре Евангелиария из Райхенау XI в. (Lucchesi Palli 1968. S. 595).

⁴ Рассмотрение этих вопросов было представлено в докладе на международном симпозиуме «Пространственные иконы. Текстуальное и перформативное» (Квливидзе 2009).

рян во главе с епископом направлялась к храму Воскресения. «И когда наступает одиннадцатый час, читается то место из Евангелия, где дети с ветвями и пальмами встретили Господа, говоря: “Благословен грядый во имя Господне”. И тотчас встает епископ и весь народ, и затем с вершины горы Масличной все идут пешком ..., все держат ветви – одни пальм, другие – маслин; и так сопровождают епископа в том образе, в котором некогда сопровождали Господа... И идут с вершины горы до города, и затем по всему городу до Воскресения, все пешком, даже и знатные женщины, и знатные лица» (Паломничество 1889. С. 148–150; Красносельцев 1888). Выражение «в том образе» дало основание предположить, что епископ, как и Христос, ехал верхом на осле, в отличие от всех остальных участников литании, идущих весь путь пешком (Дмитриевский 1907. С. 117–118).

Илл. 1. Вход Господень в Иерусалим, XVI в. Икона из церкви Входа Господня в Иерусалим Покровского собора в Москве. Фотография автора.

Fig. 1. Entry of Jesus Christ into Jerusalem, 16th century. Icon from the Church of the Entry of Christ into Jerusalem of the Intercession Cathedral in Moscow. Photo by the author.

Иерусалимский обычай совершения богослужений с крестными ходами к местам евангельских событий оказал влияние на Устав Великой константинопольской церкви (Дмитриевский 1887. С. 181–242; 1907. С. 127, 130; Скабалланович 1910. С. 165–167, 391–393). Литии или литании, с одной стороны, имели покаянный характер, были молением о спасении от бедствия, с другой – присоединялись к особо торжественным дням памяти святых или праздникам. Еженедельные и ежегодные празднования в Константинополе отличались большим числом литийных шествий. Согласно Уставу Великой церкви, торжественная лития была положена в Неделю ваий (Дмитриевский 1887. С. 240; 1907. С. 119–122). Типикон подробно описывает патриаршее богослужение этого дня. Служба начиналась в Софийском соборе, где совершалась утренняя. Потом патриарх верхом «на жребяти» ехал в церковь 40 мучеников вслед за идущим пешком клиром, где раздавал ветви народу. Туда заранее доставлялся процессионный крест для литии, во время которой патриарх шел уже пешком, направляясь через форум Константина обратно в Софийский собор, где служилась литургия (Дмитриевский 1907. С. 119–120). Комментируя опубликованный с параллельным переводом текст Типикона, автор добавляет, что из Софийского собора в церковь 40 мучеников все, «не исключая и самого императора, шли пешком» (Там же. С. 122). Однако, как отмечалось выше, о присутствии императора в Софийском соборе в Неделю Ваий в тексте Устава Великой церкви не упоминается, а церемонии, в которых участвовал император (но без патриарха) с вечера Лазаревой субботы и в течение всего Цветоносного воскресенья детально изложены в сочинении императора Константина VII Порфирородного «О церемониях» (X в.) (Constantine Porphyrogenetos 2017. Р. 170–177).

В русской практике, в отличие от Иерусалимского и Константинопольского богослужения, в литии принимали участие помимо церковного владыки, восседающего на «осляти» – покрытой попоной лошади, изображающей осла, и светские лица (наместник, боярин, царь), пешком, ведущие «осля» под уздцы. Попытаемся рассмотреть это отличие на основе анализа литургического действия.

Описание чинопоследований сохранилось в литургических памятниках XVII в. – соборных Чиновниках, тексты которых содержат подробное изложение порядка богослужения по ходу годового круга (Голубцов 1907. С. 23–25). Особенности соборного богослужения, отмеченные в чиновниках, указывают на многообразный и сложный ритуал, менявшийся в зависимости от празднуемого события, а также видоизменявшийся с течением времени. В чиновниках отмечается, какие именно священнические и архиерейские облачения должны надеваться во время определенной службы, какие должны быть шитые покровы на ра-

ках святых, подвесные пелены к иконам, какая должна использоваться драгоценная утварь и иконы. Эти, сравнительно поздние литературные произведения, отразили более ранние богослужебные обряды, существовавшие в практике различных церковных центров Древней Руси. Уставы русских монастырей и соборных храмов были основаны на различных византийских уставах-типиках, которые могли иметь между собой существенные различия (Студийский, Иерусалимский, Великой Константинопольской Церкви)⁵. Один из таких памятников – Новгородский Чиновник, составленный в первой трети XVII в. зафиксировал практику XVI в. (Голубцов 1889. С. IX). На основании изучения одного из источников Новгородского Чиновника, озаглавленного «Чин церковный архиепископа Великого Новгорода и Пскова», А.П. Голубцову удалось установить, что «хождение на осяти» совершалось в Новгороде уже в 1540-е гг. «Чин церковный», содержащийся в сборнике Волоколамского монастыря (РГБ. Вол. № 410), был создан в кругу архиепископа Феодосия, ученика Иосифа Волоцкого. Феодосий занимал новгородскую кафедру в 1542–1551 гг., после чего вернулся в Иосифо-Волоколамский монастырь, где занимался литературным трудом (Голубцов 1889. С. IX–XIV; Копанева 2021. С. 169). Описание службы Вербной недели отличается краткостью. Богослужение совершалось в стенах новгородского кремля, Детинца. После молебна с крестами «исходят из церкви (Софийского собора. – *Н.К.*) ... и пред церковью уготовано осяя», архиепископ «благословляет наместников крестом, и всаждает на осяя и приемлет святое евангелие, и поведут под ним осяя». На ветвях заранее приготовленной большой вербы развешано «гроздие разное на благословение людем. И везут ее пред архиепископом в образ Господа нашего Иисуса Христа, яже самым содеяся Господем». «Пришед в Иерусалим» (церковь Входа в Иерусалим, расположенная в нескольких десятках метров к юго-востоку от Софийского собора. – *Н.К.*) архиепископ читает евангелие и либо служит там, «аще восхощет», либо так же возвращается в Софийский собор, где служит обедню. Сойдя с «осяти», архиепископ вновь благословляет наместников и своего конюшего и «за труды их ести зовет» (Голубцов 1889. С. 256–257). В Софийском чиновнике порядок богослужения Вербного Воскресенья и приготовление к праздничной службе изложено с большими подробностями: в среду заготавливают вербу, и начинают строить деревянный настил – «тесовый мост» от Корсунских врат собора до церкви Входа в Иерусалим «чтобы ехать святителю на осяти, а тес с пушечного двора дают... В пяток устрояют софийские плотники вербу в

⁵ Как показал в своем исследовании А.А. Дмитриевский, в русской богослужебной практике вплоть до XVI в. употреблялось большое число различных уставов. И лишь к этому времени богослужение стало приобретать унифицированный характер, в основу которого был положен Иерусалимский устав (Дмитриевский 1884).

станок... После заутрени все поповские старосты идут к Входу в Иерусалим на праздник... Вербу украшают финиками, яблоками и овощами... приводимо бывает осля... боярин приемлет у осляте конец темляка, дворецкий же среде держит, ясельничий же за бразды. И потом святитель, всед на осля, и примет святое евангелие в левую руку, и прилагает к персем, в правую же руку приемлет животворящий крест... брежения же ради святительского у осляте с обеих стран поддержат его на се искуснейшие четверо детей боярских по два со страны. Народи же постилаху ризы по пути» (Там же. С. 180–184).

Сравнение этих текстов, созданных с интервалом почти в столетие, безусловно свидетельствует о сохранении всех особенностей обряда. Вместе с тем более поздний памятник помогает понять некоторые детали, упомянутые, но не объясненные в Чине церковном. Это касается той особенности русского богослужения, которая привлекает самое пристальное внимание исследователей, а именно участия в процессии вместе с архиепископом светских лиц. Чин церковный говорит о двух наместниках (должностное лицо, назначаемое великим князем. – *Н.К.*), «большем» и «меньшем», которых вместе со своим конюшим архиепископ благодарит за то, что они вели «осля», приглашением на обед. В Софийском чиновнике передвижение от Софийского собора до Входоиерусалимской церкви описано более подробно: «осля» ведут, держа в разных местах повод боярин, дворецкий и ясельничий, отметим, что государственные чиновники уже не принимают участия в процессии, а еще с двух сторон контролируют движение четыре «искуснейших» человека, оберегающие архиепископа во время пути. Сопоставляя иерусалимскую процессию IV в., константинопольскую X и последующих веков с новгородской, можно отметить одно существенное отличие – новгородский архиепископ по пути благословляет народ. Сидя на «осляти» он держит в одной руке крест, а в другой евангелие, то есть обе руки владыки заняты, и он не имеет возможности держать повод. Опасность такого положения специально отмечена в Чиновнике, где сказано, что четверо идут по сторонам «брежения ради святительского». Таким образом, хотя путь новгородской литии в Вербное воскресенье очень короткий, в ее осуществлении, представлявшем определенные трудности, архиепископу содействовали несколько помощников из числа мирян. Обязанность эта была почетной, о чем известно из других случаев шествий архиерея верхом, например, при поставлении нового митрополита, когда узду держал представитель знатного рода или должностное лицо (Никольский 1885. С. 16–19). Анализ двух новгородских литургических памятников показывает, что в них описывается техническая ситуация, в которой роль «конюшего» является почетной, отсутствует тема взаимоотношений

духовной и светской власти, и нет отражения идеологического влияния на обрядовую форму «Чина шествия на ослати» текста «Константинова дара».

Что касается идейного содержания шествия в Вербное воскресенье, то оно ясно и недвусмысленно объясняется в тексте Чина церковного, прямо объявляющего архиепископа образом Иисуса Христа. В этом смысле новгородская лития продолжает традиции Иерусалимской, в которой также подчеркивается, что все участники с ветвями «сопровождают епископа в том образе, в котором некогда сопровождали Господа». Это замечание, как отмечалось выше, было истолковано в смысле движения верхом на осле. Однако Чин церковный добавляет «яж самем содеяся Господем», то есть говорит не столько об изобразительном характере литийного шествия, сколько о литургическом значении архиерея как образе самого Христа.

Церемониальная торжественность, которую придавали богослужению литийные шествия, усиливалась в случае московского «Чина в Неделю ваий» участием в богослужении царя. Особенности церковного обряда в Неделю ваий в Москве известны не только по литургическим памятникам XVII в., но и по запискам очевидцев – иностранцев, побывавших в столице Русского царства и оставивших подробные рассказы о красочной процессии, в которой «осля» вел сам царь. Когда сложилась подобная богослужebная практика точно неизвестно. Введение этого обычая в Москве, до мелочей повторяющего все элементы новгородского богослужения, связывают с митрополитом Макарием, ко времени которого относится первое упоминание о московской литии в праздник Входа господня в Иерусалим (Ostrogorsky 1935. С. 202; Flier 1992b; Успенский 1998. С. 441–442). Однако простой перенос новгородского обряда в новые обстоятельства царствующего града, прямая аналогия между каким-либо чиновником или боярином и боговенчанным царем не представляется правомерной. Если в новгородском обряде «шествия на ослати», как нами было показано, нет признаков влияния текста «Константинова дара», то в московском обряде, а именно в участии самого царя в качестве конюшего, оно несомненно и нуждается в выяснении причины, по которой вводится подобная роль царя в отличие от практики Константинополя. Попытаемся выявить корни московского обряда середины XVI в., проследив эволюцию шествий и участие в них царей в православной традиции.

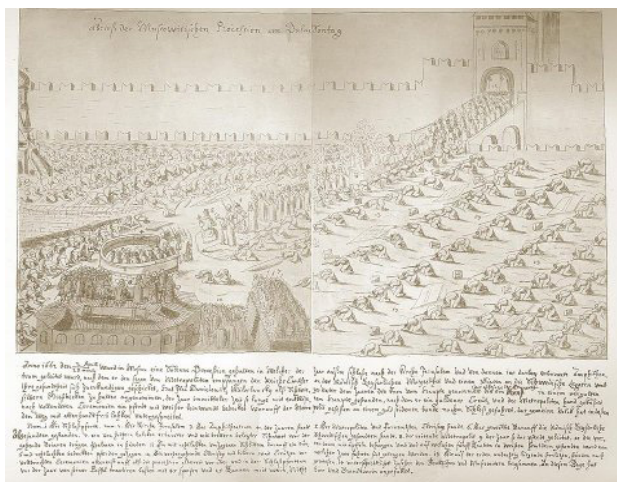
В 1558 г. торжественное шествие в Вербное воскресенье видел в Москве и кратко описал англичанин, служивший при дворе Ивана Грозного, имя которого осталось неизвестным. Процессия начиналась от Успенского собора и ходила «от одной церкви к другой по Кремлю». Впереди

везли сани с украшенной фруктами вербой. Митрополит, сидя боком, ехал верхом на лошади, покрытой белым холстом, «осляти», держа левой рукой евангелие, правой – крест, «беспреданно благословляя народ», «царь, идя пешком, ведет лошадь за конец повода узды одной рукой, в другой он держит вербу», «человек 30 расстилают свои платья перед лошадью» (Середонин 1884. С. 18–19; Успенский 1998. С. 446, примеч. 35). Процессия направлялась, вероятно, к Благовещенскому собору, в котором находился Входеоерусалимский придел⁶. В 1560-е гг. маршрут шествия изменился. После возведения на Красной площади собора Покрова на Рву, ознаменовавшего победу над Казанским царством, один из приделов которого был освящен в честь Входа Господня в Иерусалим, шествие на осляти выходило за пределы Кремля и направлялось на Красную площадь. В 1564 г. «хождение на осляти» упоминает в своих «Записках о Московии» Генрих фон Штаден, прослуживший несколько лет при дворе Ивана Грозного. Не описывая самой процессии, Штаден отмечает, что шествие в Вербное воскресенье осуществлялось к Покровскому собору: «На этой площади стояла церковь, построенная с переходами вокруг, и над первым переходом снаружи красиво отделанная и расписанная изображениями многочисленных святых, украшенными золотом, драгоценными камнями, жемчугом и серебром. Выезд митрополита в вербное воскресенье со всеми епископами происходил каждый год к этому храму» (Генрих Штаден 2008. С. 159) Порядок совершения службы в Москве в Вербное Воскресенье подробно описан в Чиновнике Успенского собора и, как было отмечено выше, до деталей совпадает с новгородским (Голубцов 1908. С. 102–108). Приготовление к празднику начинались, как и в Новгороде, в среду шестой недели Великого Поста. «Шествие на осляти» двигалось из Успенского собора к Покровскому собору на Рву, в «Иерусалим» (так и в Москве, и в Новгороде называли Входеоерусалимские церкви). Осля вел в поводу царь. Святитель с Евангелием в левой руке и крестом в правой благословлял по пути народ. После моления у «праздника» процессия тем же порядком возвращалась в Успенский собор. В завершение молебна царь и патриарх прощаются в Успенском соборе: «государь царь прияв благословение от руки патриарховы, и патриарх целует государя в десницу, а патриарха государь в мыщцу (древнерусское – плечо. – Н.К.)» (Голубцов 1908. С. 106).

Наиболее яркое и подробное описание пышного московского шествия в Неделю ваий времени царя Алексея Михайловича, отличающегося особым блеском и великолепием, оставил немецкий путешественник Адам

⁶ Согласно данным, приведенным в книге А. Ратшина «Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях России» (Ратшин 1852. С. 312), Входеоерусалимский придел существовал в Благовещенском соборе с 1489 г. См. также: Качалова, Маясова, Щенникова 1990. С. 16.

Олеарий, прибывший в Москву в составе голштинского посольства в Персию (Олеарий 1870. С. 90–92). В записках иностранцев сохранились гравюры XVII–XIX вв., запечатлевшие шествие в неделю Ваий по Красной площади между Спасскими воротами и Лобным местом в присутствии огромного множества народа (илл. 2, 3). Длинная процессия, блистающие золотом, жемчугом и драгоценными камнями одежды, позолоченные ветви и разукрашенные вербы в руках участников процессии и стоящих по сторонам людей, разноцветные сукна, постилаемые детьми под ноги «осляти» вызывала у иностранных зрителей, а позже у ряда исследователей представление о чине «хождения» как о средневековой драме (Евсеева 2023. С. 24). Еще более чем «чин в Неделю ваий», своими драматическими элементами службы напоминал западноевропейскую литургическую драму «чин Пещного действия», где переодетые дети изображали халдеев и трех Вавилонских отроков, брошенных царем Навуходоносором в разожженную печь (Дмитриевский 1894. С. 560–565). Но уже св. Симеон Солунский (XV в.) в своем толковании на литургию резко возражал против отождествления католической мистерии и православного чина. Критикуя латинские мистерии, в которых стремление изобразить исторические подробности жизни Иисуса Христа и Богоматери доходило до полной иллюзии, Симеон Солунский отмечал: «мы не зажигаем печи, но употребляем свечи и фимиам, изображаем ангела, но не посылаем в печь человека. Мы только лишь допускаем, чтобы поющие чистые отроки как те три отрока воспевали их песнь» (цит. по: Дмитриевский 1894. С. 553–600). Диалоги, являющиеся одним из характерных приемов латинской литургической драмы, присутствуют и в православном чине как продолжение традиционной системы антифонного литургического пения. Но главное отличие литургической драмы заключалось в проникновении в обряд мессы естественных жизненных элементов изображения. Религиозная символика стала вытесняться живыми персонажами, изображением характеров, инсценировкой Евангельских сюжетов, в которых действия, слова, жесты и интонации утратили условный возвышенный богослужебный характер и приобрели живую реалистическую эмоциональную окраску (Дживелегов, Бояджиев 1941. С. 112–116; Насонов 2016).

Илл. 2. Шествие в Вербное воскресенье в Москве в 1662 г.

Рисунок из альбома А. Мейерберга.

URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/5/52/Meyerberg_donkey_walk.jpg
(дата обращения 06.03.2024)

Fig. 2. Palm Sunday procession in Moscow in 1662. A drawing from A. Meyerberg's album.

Илл. 3. «Шествие на ослиати». Гравюра по рисунку Николая Витсена из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию...». Лейден, 1719.

URL: <https://gorbutovich.livejournal.com/82799.html> (дата обращения 06.03.2024).

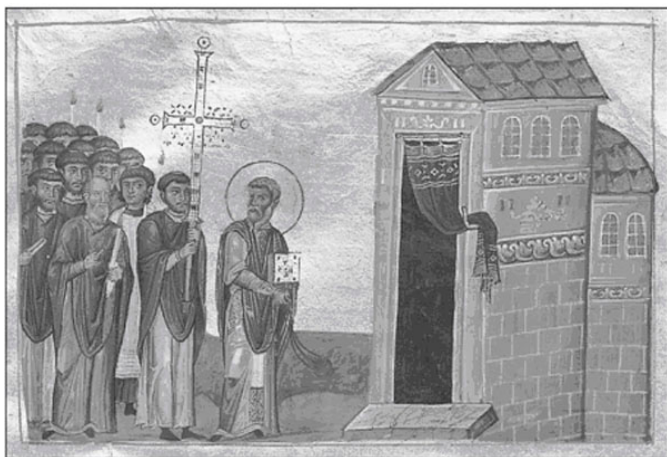
Fig. 3. Procession on Palm Sunday. Engraving after the drawing of Nikolaas Witsen from the book of Adam Olearius 'Description of the travel to Muscovy...'. Leiden, 1719.

В католической церкви процессии и праздничные шествия, в которых все участники следуют колонной согласно своему рангу, всей церковью, верующие и клирики, занимают важное место. Шествие всегда имеет определенный исходный пункт и конкретную цель, а по значимости произносимых молитв процессии играют существенную роль в литургической жизни. Если шествие совершается во время мессы, в нем принимает участие исключительно клир. В праздничных процессиях в Неделю Вайй, или накануне Вознесения, когда в течение трех дней с молитвами совершался обход полей, или в праздник Тела Христова, в шествии участвуют и священники, и молящиеся люди (илл. 4) (Prozession 1971. S. 465–466). Изображения шествий часто встречаются в миниатюрах, например, в Великолепном Часослове герцога Беррийского, XV в., где представлены как церковные процессии, например, процессия св. Григория (л. 71v), так и светские – праздничная процессия в мае (л. 8). В виде процессий предстают также евангельские сцены: Поклонение Волхвов, Введение во храм и другие (Казель, Ратхофер 2002). Изображение процессий встречается и в византийской миниатюре, например, различные крестные ходы в Минологии Василия II начала XI в. (Vat.gr. 1613, лл. 142, 204, 350) (El Menologio 2005) (илл. 5). Одна из таких московских процессий (в день Воздвижения Честного креста) запечатлена на гравюре из путешествия Адама Олеария (илл. 6).

Илл. 4. Жентиле Беллини. Процессия на площади Святого Марка, 1496. Галерея Академии, Венеция. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/44/Accademia_-_Procession_in_piazza_San_Marco_by_Gentile_Bellini.jpg (дата обращения 06.03.2024).

Fig. 4. Gentile Bellini. Procession in St. Mark's Square, 1496. Academy Gallery, Venice.

Илл. 5. Лития 26 октября в память великого землетрясения в Константинополе в 740 г., Минологий Василия II. Vat. gr. 1613. f. 142, начало XI в.

[Матвеева Ю.Г. Некоторые разновидности ранневизантийских церковных завес (по иконографии и текстам)// Вестник ПСТГУ Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства 2014. Вып. 3 (15). С. 22. Илл.2]

Fig. 5. Liturgical procession on October 26 in memory of the great earthquake in Constantinople in 740, Minologii of Vasiliiy II. Vat. gr. 1613. f. 142, early 11th century

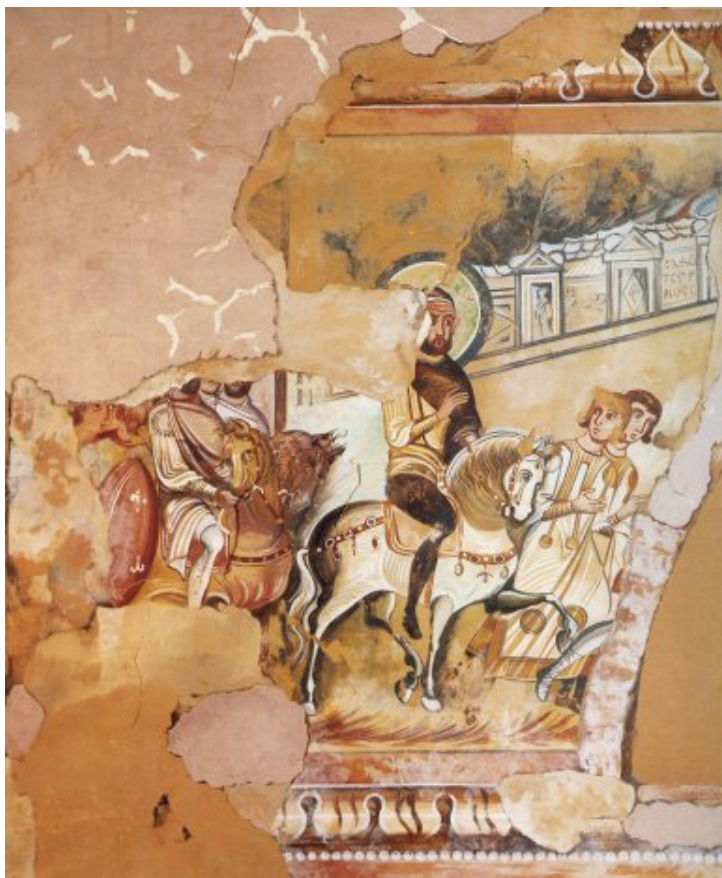

Илл. 6. «Московитская процессия». Гравюра из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». СПб., 1906.

URL: <https://www.booksite.ru/enciklopedia/album/44.jpg> (дата обращения 06.03.2024).

Fig. 6. 'Muscovite procession'. Engraving from the book of Adam Olearius 'Description of the journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back'. St-Petersburg, 1906.

Как показал А. Грабар, византийские церковные обряды и иконография были теснейшим образом связаны с императорскими обрядами и императорской иконографией, причем наиболее прямое соответствие отмечается в церемонии императорского триумфа (илл. 7) и Входа Господня в Иерусалим (илл. 8) (Грабар 2000. С. 238–241).

Илл. 7. Торжественный вход императора. Фреска из церкви св. Димитрия в Фессалониках, X в. (Грабар 2000. Табл. VII-2).

Fig. 7. (Triumphal entrance of the emperor. Fresco from the church of St. Demetrius in Thessalonica, 10th century (Grabar 2000. Tabl. VII-2).

Илл. 8. Вход Господень в Иерусалим. Фреска из церкви Пантанассы в Мистре, XV в.
Фотография из архива автора.

Fig. 8. Entry of Jesus Christ into Jerusalem. Fresco from Pantanassa Church in Mystra,
15th century. Photo from the author's archive.

Такие детали композиции как многолюдная толпа и дети, приветствующие Христа, восседающего на осле, также соответствуют обычаю встречи горожанами государя, едущего верхом (Там же. С. 239). О мотиве ведения осла в поводу А. Грабар упоминает в связи с иконографией другого типа, известному по коптскому рельефу, где представлен Христос верхом на осле, которого за узду ведет один ангел, а сзади сопровождает другой. Эту сцену исследователь интерпретирует как адаптацию изображения римских триумфов с Никой и стражником (Там же. С. 240)⁷.

О том, что праздничные шествия также с древности существовали в Русской церкви, свидетельствуют летописи. А.П. Голубцов отметил, что в Ипатьевской летописи под 1183 г. упомянуто о шитых золотом и жем-

⁷ Ведение осла в поводу автор рассматривает на примере композиции «Бегство в Египет», где осла с сидящей Богоматерью ведет в поводу юноша. Т.е. в случаях, когда наездник по каким-то причинам не может держать повод, ему служит проводник.

чугом тканях, которые развешивались в дни праздников во Владимире по пути шествия архиереев, идущих в торжественной процессии от Золотых ворот до Успенского собора (Голубцов 1907. С. 82). Торжественная церковная процессия с иконой Одигитрии и ветвями с разноцветными листьями на фоне изображена на шитой пелене Елены Волошанки (1498) (илл. 9)⁸.

Илл. 9. Праздничное шествие. Пелена Елены Волошанки, ок. 1498 г. ГИМ.

URL:https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Elena_Voloshanka%27s_pelena_01.jpg?uselang=ru (дата обращения 06-03-2024)

Fig. 9. Festive procession. The shroud of Elena of Wallachia, ca 1498.

The State Historical Museum in Moscow, Russia.

Если о времени и причинах включения царя в московский обряд шествия в Вербное воскресенье не находится прямых свидетельств в литургических памятниках, то на вопрос о введении в середине XVI в. литийных шествий имеется прямой ответ, в котором новая для Москвы форма городского богослужения зафиксирована как обязательная. «Указ» о литиях находится в Стоглаве – корпусе материалов Стоглавого поместного собора, созванного в Москве в 1551 г. по инициативе Ивана Грозного и митрополита Макария. В 35 главе Стоглава содержится «Указ соборным старостам поповским на Москве и по всем градам», который был ответом на царский вопрос о повсеместном исправлении богослужения в соответствии с церковными правилами и уставами (Стоглав 1863. С. 114–116; Емченко 2000; Емченко 2015). В Указе «поповским старо-

⁸ По мнению М.В. Щепкиной, это кремлевский крестный ход в Вербное Воскресенье (Щепкина 1954. С. 20). Л.М. Евсева предлагает другую интерпретацию, связывая изображенную на пелене церемонию с обрядом венчания в 1498 г. на великое княжение Димитрия Ивановича, внука Ивана III (Евсева 1999. С. 434).

стам» предписывается совершение еженедельных крестных ходов от соборных храмов города к великой соборной церкви (Успенскому собору. – *Н.К.*) вместе с клиром и прихожанами начиная от Субботы всех святых до Воздвижения Честного креста, «и пети молебны за всяко прошение, по настоящему времени». В понедельник Светлой седмицы старосты, священники и народ идут крестными ходами в «соборную великую церковь» к святителю, а всю неделю такие крестные ходы должны были совершаться ежедневно между своими церквями.

И вопрос царя Ивана Грозного, который повелевает «установить старост поповских надо всеми священники» для упорядочения богослужения, и соборные ответы митрополита Макария и других архиереев, среди которых на первом месте назван Феодосий, архиепископ Великого Новгорода и Пскова, напрямую свидетельствуют об обращении к новгородскому опыту, где такие старосты существовали. По новгородскому образцу в Москве были учреждены семь соборов и избраны «старосты поповские», которые должны были организовывать торжественные литии. Напомним, что согласно Софийскому чиновнику, «все поповские старосты идут к Входу в Иерусалим на праздник». Такие характерные особенности Устава Великой церкви как многочисленные литии или крестные ходы, удержавшиеся в новгородском богослужении, вновь стали включаться в общерусский богослужебный порядок, прежде всего, в правила и обычаи царствующего града Москвы. В Указе была также сформулирована причина нововведения – совершать молебны о всяких прошениях в настоящее время, другими словами содержанием этих городских богослужений по мысли собора должно быть всенародное усердное покаянное моление.

Центральной мыслью, проходящей через все документы собора, является необходимость тесного сотрудничества царя и церкви, взаимодействия светской и духовной власти, их согласия и единомыслия, провозглашение симфонии «священства» и «царства». От духовенства требовалось учить царя «священным правилам», а от царя и светских властей не вмешиваться в церковный суд и не посягать на церковное имущество (Емченко 2015. С. 483). Надо отметить, что такая же трактовка характеризует славянский, а по мнению А.А. Турилова русский, перевод Константинова дара, выполненный, в конце XIV – начале XV в. (Турилов 2017. С. 9–10; Афанасьева 2019). Перевод представляет собой особую редакцию текста и содержит вставки, в которых говорится о неотъемлемости церковного права на пошлыны (сбор налогов в пользу церкви). Созданный, вероятно, в кругу митрополита Киприана, отстаивавшего законность церковных пошлын и неприкосновенность церковной собственности, а также подчинения клириков суду архиепископа, текст воспринимался в качестве юридического документа и вошел в канонические

сборники (Афанасьева 2019. С. 127). Б.А. Успенский, исследуя ношение белого клобука и шествие на осляти как знаки духовной власти, отмечает, что в приписке к новгородской «Повести о белом клобуке», излагающей рассказ о Константиновом даре говорится, что при архиепископе Геннадии ее читали по окончании шествия в праздник Входа в Иерусалим (Успенский 1998. С. 433–440). Однако следует подчеркнуть, что Повесть не содержит эпизода «страторской службы» императора Константина, рассказывая только о головном уборе папы Сильвестра (Повесть о белом клобуке 1985). Таким образом, новгородское литературное произведение не содержит темы соотношения или взаимного подчинения духовной и светской власти, говоря исключительно о сохранении чистоты православия и в силу этого праве новгородского архиерея на ношение белого клобука. Более того, приходя к выводу о том, что митрополит Макарий приносит в Москву «как обычай ношения белого клобука, так и обряд шествия на осляти в Вербное воскресенье», автор указывает на то, что митрополит цитирует ««Сказание о вене Константиновом» (Константинов дар. – *Н.К.*) в своем послании Ивану IV о неприкосновенности церковных имуществ (1547–1561 гг.)» (Там же. С. 452), другими словами подтверждает, что митрополит Макарий трактует Константинов дар в том же ключе, что и русские книжники, и митрополит Киприан, т.е. в смысле невмешательства светской власти в имущественные и судебные дела Церкви.

По предположению Е.В. Барсова, Чин венчания на царство Ивана Васильевича IV (1547), возможно, был составлен митрополитом Макарием (Барсов 1883. С. 67–68, примеч. 1). Обряд венчания московского царя основывался на византийском чине, использованном ранее для чина венчания Димитрия Ивановича, внука Ивана III (1498). Как и византийский василевс, Иван IV должен был свидетельствовать о своем благочестии и правоверии, своей преданности православию, выступать защитником православной церкви и участвовать в важнейших церковных обрядах и церемониях (Барсов 1883. С. I–XXXV). Такая же идейная установку звучит в послании митрополита Макария царю Ивану Грозному в Свяжск (Послание 1841). Тема благочестия царя как условия благоденствия государства выражена и в росписях тронного зала – Золотой палаты Кремлевского дворца, где она проиллюстрирована на библейских и исторических примерах (Подобедова 1972. С. 59–68; Флайер 2003; Роулэнд 2003; Квливидзе 2019). В контексте организации митрополитом Макарием, царем Иваном Грозным и их сотрудниками системы государственных, церковных и художественных мероприятий, в центре которых находится представление об идеальном образе православного государя, участие царя Ивана IV в литийном шествии Вербного воскресенья становится одним из элементов формирования такого образа.

Несмотря на то, что византийский император не участвовал в патриаршей службе в Неделю Ваий, в московском обряде Вербного воскресенья можно видеть обращение к константинопольским традициям выходов императоров в Софийский собор и другие храмы столицы. Обиход московского царя не воспроизводил буквально сложные церемонии византийских императоров, однако тема шествия в системе символических образов Московского царства середины XVI в. заняла особое место как в обрядах, так и в иконах. Наиболее ярко образная символика шествия запечатлена в иконе «Благословенно воинство небесного царя» (Илл. 10), находившейся у южной стены Успенского собора рядом с Царским местом. Название иконы и ее иконографические элементы основаны на песнопениях Октоиха, в которых прославляется подвиг святых воинов и всех мучеников. В стихирах и тропарях многократно варьируется мысль, что человеческая история представляет собой путь, целью которого является Небесный Иерусалим. Прошедшие земное поприще и победившие врагов «ратоборцы со злом» удостоиваются небесной награды – победных венцов, которыми венчает их сам Христос (Квливидзе 1998. С. 56–67). Шествие святых воинов, конных и пеших ратников, предводительствуемых архангелом Михаилом, не только соответствует текстам песнопений, но и воспроизводит определенные иконографические архетипы, прежде всего мотив триумфального царского шествия, с которым оно символически связывается⁹. В Константинополе, как отмечал Д.Ф. Беляев, триумфальные процессии, которые совершали цари-победители, часто совпадали с коронационными, так как присуждение триумфа соединялось с присуждением короны, победного венца (Беляев 1906. С. 51–52). Шествие на иконе «Благословенно воинство» приводит триумфаторов к награждению высшими из возможных венцов – венцами Небесного Царства. Шествию русского царя, идущего пешком и символически ведущего под уздцы осла, на котором восседал в евангельском Входе в Иерусалим Царь Небесный, усваивается, прежде всего, молебный характер, в то время как триумфальное победное шествие переносится в идеальную сферу горнего Иерусалима.

Сравнение литургических описаний новгородского «шествия на осли» и московского обряда Вербного воскресенья, а также обзор традиции литийных шествий в византийском и русском богослужении, позволяет нам сделать следующие выводы. По нашему мнению, новгородский обряд зафиксировал местные практические особенности литии в день Входа Господня в Иерусалим, идейное содержание которой не менялось на протяжении всей его истории начиная от иерусалимского ше-

⁹ На связь символики императорского триумфа и изображения кавалькады святых воинов в росписях молдавских храмов XV в. обратил внимание А.Н. Грабар (Grabar 1968. P. 169–175).

ствия IV в. Изменения, внесенные в московский чин, связаны с венчанием на царство Ивана Грозного, необходимостью упорядочения всех форм государственной и церковной жизни, зафиксированных в деяниях Стоглавого собора, и формирования идеального образа православного царя, главной чертой которого является благочестие – залог благоденствия его государства. На основании включения в Стоглав специального Указа о литиях можно предположить, что и литийное шествие в Вербное воскресенье появляется в Москве в это время. Подчеркнутое в Указе значение шествий как просительных молебных богослужений, позволяет участие царя в церемонии «шествия на ослати» рассматривать как участие в молении, обращенном к Царю небесному. Поскольку разработка этой темы прослеживается в ряде литургических и поучительных сочинений митрополита Макария, отразившихся в программах живописных произведений, московское преобразование новгородского чина «шествия на ослати» также можно отнести к числу его литургических деяний.

Илл. 10. Благословенно воинство Небесного Царя. Икона. ГТГ. 1550-е гг.

URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Blessed_Be_the_Host_of_the_King_of_Heaven%E2%80%A6_-_Google_Art_Project.jpg?uselang=ru (дата обращения 06-03-2024)

Fig. 10. Icon 'Blessed Be the Host of the Heavenly Tsar', the 1550s.

The State Tretyakov Gallery, Moscow, Russia.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Афанасьева Т.И. Donatio Constantini в славянских переводах XIV–XV вв.: к проблеме их датировки и локализации // Slověne. 2019. Vol. 8, № 1. С. 109–133. [Afanasyeva T.I. Donatio Constantini v slavyanskikh perevodakh XIV–XV vv.: k probleme ikh datirovki i lokalizatsii (*Donatio Constantini* in Slavic Translations of the 14th and 15th Centuries: On the Problem of Dating and Localization) // Slověne. 2019. Vol. 8, № 1. S. 109–133.]

Барсов Е.В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами // ЧОИДР. 1883. Кн. I. Отд. I. С. I–XXXV.

- [*Barsov E.V.* Drevnerusskiye pamyatniki svyashchennogo venchaniya tsarey na tsarstvo v svyazi s grecheskimi ikh originalami (Old Russian Monuments of the Holy Coronation of Tzars in Connection with their Greek Originals) // *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh.* 1883. Kn. I. Otd. I. S. I–XXXV.]
- Беляев Д.Ф.* Byzantina: Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. III: Богомольные выходы византийских царей в городские и пригородные храмы Константинополя. СПб., 1906. Т. 3. [*Belyayev D.F.* Byzantina: Ocherki, materialy i zametki po vizantiyskim drevnostyam. Kn. III: Bogomol'nyye vykhody vizantiyskikh tsarey v gorodskiy i prigorodnyye khramy Konstantinopolya (Essays, Materials and Notes on Byzantine Antiquities. Ch. III: Pious Visits by Byzantine Emperors of City and Suburban Churches of Constantinople). St-Petersburg, 1906. T. 3.]
- Генрих Штаден.* Записки о Московии: в 2-х тт. М., 2008. Т. 1. [*Henrik Staden.* Zapiski o Moskovii: V 2-kh tt. (Notes on Muscovy: In 2 vols.). Moscow, 2008. T. 1.]
- Голубцов А.* Чиновник Новгородского Софийского собора. М., 1899. [*Golubtsov A.* Chinovnik Novgorodskogo Sofiyskogo sobora (Typicon of the Novgorod St. Sophia Cathedral). Moscow, 1899.]
- Голубцов А.* Соборные чиновники и особенности службы по ним. М., 1907. [*Golubtsov A.* Sobornyye chinovniki i osobennosti sluzhby po nim (Cathedral Typicons and the Peculiarities of the Divine Services According to Them). Moscow, 1907.]
- Голубцов А.П.* Чиновники Московского Успенского собора и выходы патриарха Никона / С предисл. и указ. проф. А.П. Голубцова. М., 1908. [*Golubtsov A.P.* Chinovniki Moskovskogo Uspenskogo sobora i vykhody patriarkha Nikona (Typicons of the Moscow Assumption Cathedral and the Processions of Patriarch Nikon) / S predisl. i ukaz. prof. A.P. Golubtsova. Moscow, 1908.]
- Грабар А.* Император в византийском искусстве. М., 2000. [*Grabar A.* Imperator v vizantiyskom iskusstve (The Emperor in Byzantine Art). Moscow, 2000.]
- Дживелегов А., Бояджиев Г.* История западноевропейского театра от возникновения до 1789 года. М.; Л., 1941. С. 112–116. [*Dzhivelegov A., Boyadzhiev G.* Istoriya zapadnoyevropeyskogo teatra ot vzniknoveniya do 1789 goda (The History of Western European Theater from its Origin to 1789). Moscow; Leningrad, 1941. S. 112–116.]
- Дмитриевский А.А.* Богослужение в русской церкви в XVI веке. Ч. 1. Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств. Казань, 1884. [*Dmitriyevskiy A.A.* Bogoslužheniye v russkoy tserkvi v XVI veke. Ch. 1. Sluzhby kruga sedmichnogo i godichnogo i chinoposledovaniya tainstv (Divine Service in the Russian Church in the 16th Century. Part 1. Services of the Sedmic and Annual Circle and the Order of the Prayers of the Sacraments). Kazan', 1884.]

- Дмитриевский А.А.* Типикон Великой церкви, или современный Типикон греческих приходских церквей // Руководство для сельских пастырей. Киев, 1887. № 6. С. 181–242. [*Dmitriyevskiy A.A.* Tipikon Velikoy tserkvi, ili sovremennyy Tipikon grecheskikh prikhodskikh tserkvey (Typicon of the Great Church, or Modern Typicon of Greek Parish Churches) // Rukovodstvo dlya sel'skikh pastyre. Kiev, 1887. № 6. S. 181–242.]
- Дмитриевский А.А.* Чин пещного действия: Историко-археологический этюд (Посвящается проф. Н.Ф. Красносельцеву) // ВВ. 1894. Т. 1. С. 553–600. [*Dmitriyevskiy A.A.* Chin peshchnogo deystva: Istoriko-arkheologicheskiy etyud (Posvyashchayetsya prof. N.F. Krasnosel'tsevu) (The Play of Daniel: a Historical and Archaeological Study) // Vizantiyskiy Vremennik. 1894. T. 1. S. 553–600.]
- Дмитриевский А.А.* Древнейшие патриаршие типиконы: Святогробский Иерусалимский и Великой Константинопольской Церкви. Киев, 1907. [*Dmitriyevskiy A.A.* Drevneyshiye patriarshiye tipikony: Svyatogrobskiy Ierusalimskiy i Velikoy Konstantinopol'skoy Tserkvi (The Earliest Patriarch's Typicons: of the Holy Sepulcher of Jerusalem and of the Great Church of Constantinople). Kiev, 1907.]
- Дмитриевский А.* Хожение патриарха константинопольского на жребяти в неделю Ваий в IX–X вв. // Сборник статей в честь ак. А.И. Соболевского. Л., 1928. С. 69–76. [*Dmitriyevskiy A.* Khozhdeniye patriarkha konstantinopol'skogo na zhrebyati v nedelyu Vaivy v IX–X vv. (The Journey of the Patriarch of Constantinople on the Horseback on Palm Sunday in the 9th and 10th Centuries) // Sbornik statey v chest' akademika A.I. Sobolevskogo. Leningrad, 1928. S. 69–76.]
- Евсеева Л.М.* Выносные иконы и шитые плащаницы в богослужениях драматического характера Древней Руси // Визуальная теология. 2023. Т. 5. № 1. С. 22–45. [*Evseyeva L.M.* Vynosnyye ikony i shityye plashchanitsy v bogosluzheniyakh dramaticheskogo kharaktera Drevney Rusi (Movable Icons and Embroidered Shrouds in Services of Dramatic Character in Ancient Rus') // Vizual'naya teologiya. 2023. T. 5. № 1. S. 22–45.]
- Евсеева Л.М.* Шитая пелена 1498 г. и Чин венчания на царство // ДРИ [т. 21]. СПб., 1999. С. 430–439. [*Evseyeva L.M.* Shitaya pelena 1498 g. i Chin venchaniya na tsarstvo (Embroidery of 1498 and the Ceremony of the Coronation of Tsars) // Drevnerusskoye iskusstvo [t. 21]. St-Petersburg, 1999. S. 430–439.]
- Емченко Е.Б.* Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. [*Emchenko E.B.* Stoglav: Issledovaniye i tekst (Stoglav: Study and Text). Moscow, 2000.]
- Емченко Е.Б.* Стоглавый собор // ПЭ. М., 2022. Т. 66. С. 476–485. [*Emchenko E.B.* Stoglavyy sobor (Stoglav Synod) // Pravoslavnaya entsiklopediya. Moscow, 2022. T. 66. S. 476–485.]
- Желтов М.* Вход Господень в Иерусалим // ПЭ. М., 2005. Т. 10. С. 41–48. [*Zheltoy M.* Vkhod Gospoden' v Ierusalim (Palm Sunday) // Pravoslavnaya entsiklopediya. Moscow, 2005. T. 10. S. 41–48.]

- Казель Р., Ратхофер И. Роскошный часослов герцога Беррийского. М., 2002. [Kazel' R., Ratkhofer I. Roskoshtnyy chasoslov gertsoga Berriyskogo (The Luxurious Book of Hours of the Duke of Berry). Moscow, 2002.]
- Качалова И.Я., Маясова Н.А., Щенникова Л.А. Благовещенский собор Московского Кремля. М., 1990. [Kachalova I.Ya., Mayasova N.A., Shchennikova L.A. Blagoveshchenskiy sobor Moskovskogo Kremlya (Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin). Moscow, 1990.]
- Квливидзе Н.В. Икона «Благословенно воинство Небесного Царя» и ее литературные параллели // Искусство христианского мира. Сб. ст. М., 1998. Вып. 2. С. 49–56. [Kvlividze N.V. Ikona «Blagoslovenno voinstvo Nebesno Tsarya» i eye literaturnyye paralleli (The Icon 'Blessed Be the Host of the Heavenly Tsar' and its Literary Parallels // Iskusstvo khristianskogo mira. Sb. st. Moscow, 1998. Vyp. 2. S. 49–56.]
- Квливидзе Н.В. «Шествие»: иконография и литургическое действо в эпоху Ивана Грозного // Пространственные иконы. Текстуальное и перформативное / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2009. С. 144–148. [Kvlividze N.V. «Shestviye»: ikonografiya i liturgicheskoye deystvo v epokhu Ivana Groznogo («Procession»: Iconography and Liturgical Performance in the Time of Ivan the Terrible) // Prostranstvennyye ikony. Tekstual'noye i performativnoye / Red.-sost. A.M. Lidov. Moscow, 2009. S. 144–148.]
- Квливидзе Н.В. Отражение богословия Иосифа Волоцкого в монументальных программах времени митрополита Макария // Вестник церковного искусства и археологии. Сергиев Посад, 2019. Т. 1. С. 28–47. [Kvlividze N.V. Otrazheniye bogosloviya Iosifa Volotskogo v monumental'nykh programmakh vremeni mitropolita Makariya (The Reflection of the Theology of Joseph of Volotsk in Monumental Programs of the Time of Metropolitan Makarios) // Vestnik tserkovnoy iskusstva i arkheologii. Sergiyev Posad, 2019. T. 1. S. 28–47.]
- Копанева Д.Д. Новгородский архиепископ Феодосий как книжник XVI в. и его рукописное собрание // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 3 (15). С. 161–171. [Kopaneva D.D. Novgorodskiy arkhiepiskop Feodosiy kak knizhnik XVI v. i ego rukopisnoye sobraniye (Archbishop Theodosius of Novgorod as a Bibliophile of the 16th Century and his Manuscript Collection) // Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. 2021. № 3 (15). S. 161–171.]
- Красносельцев Н.Ф. Богослужение Иерусалимской Церкви в конце IV века. Отдельный оттиск из журнала «Православный Собеседник». Казань, 1888. [Krasnosel'tsev N.F. Bogoslužheniye Ierusalimskoy Tserkvi v kontse IV veka (The Divine Service of the Jerusalem Church at the End of the 4th Century). Otdel'nyy ottisk iz zhurnala «Pravoslavnyy Sobesednik». Kazan, 1888.]

- Красносельцев Н.Ф.* Новый список русских богослужебных «Действ» XVI–XVII вв. // Труды восьмого археологического съезда в Москве. 1890. Т. II. М., 1895. С. 34–37. [*Krasnosel'tsev N.F.* Novyy spisok russkikh bogosluzhebnykh «Deystv» XVI–XVII vv. (A New Manuscript of Russian Liturgical Actions of the 16th and 17th Centuries) // Trudy vos'mogo arkheologicheskogo s'yezda v Moskve. 1890. T. II. Moscow, 1895. S. 34–37.]
- Лидов А.М.* Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2006. С. 22–23. [*Lidov A.M.* Iyerotopiya. Sozdaniye sakral'nykh prostranstv kak vid tvorchestva i predmet istoricheskogo issledovaniya (Hierotopia. Creation of Sacred Spaces as a Form of Creative Work and a Subject of Historical Research) // Ierotopiya. Sozdaniye sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevney Rusi / Red.-sost. A.M. Lidov. Moscow, 2006. S. 22–23.]
- Лидов А.М.* Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. Москва, 2009. [*Lidov A.M.* Ierotopiya. Prostranstvennyye ikony i obrazy-paradigmy v vizantiyskoy kul'ture (Hierotopia. Spatial Icons and Paradigm Images in the Byzantine Culture). Moscow, 2009.]
- Насонов Р.А.* Литургическая драма // ПЭ. М., 2016. Т. 41. С. 230–238. [*Nasonov R.A.* Liturgicheskaya drama (Liturgical Drama) // Pravoslavnaya entsiklopediya. Moscow, 2016. T. 41. S. 230–238.]
- Никольский К.Т.* О службах Русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1885. [*Nikol'skiy K.T.* O sluzhbakh Russkoy tserkvi, byvshikh v prezhnikh pechatnykh bogosluzhebnykh knigakh (On the Services of the Russian Church Existing in Former Printed Liturgical Books). St-Petersburg, 1885.]
- Олеарий Адам.* Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах / Сост. секретарем Посольства Адамом Олеарием; перев. с нем. Павел Барсов. М., 1870. [*Olearius Adam.* Podrobnoye opisaniye puteshestviya golshtinskogo posol'stva v Moskoviyu i Persiyu v 1633, 1636 i 1639 godakh (Detailed Description of the Journey of the Holstein Embassy to Muscovy and Persia in 1633, 1636, and 1639) / Sost. sekretarem Posol'stva Adamom Oleariyem; perev. s nem. Pavel Barsov. Moscow, 1870.]
- Паломничество по Святым местам конца IV века: Peregrinatio ad loca sancta saeculi IV exeuntis / Изданное, переведенное и объясненное И.В. Помяловским // Православный палестинский сборник. СПб., 1889. Вып. 20. С. 31–172. [*Palomничество po Svyatym mestam kontsa IV veka (Pilgrimage to the Holy Places of the Late 4th Century) / Izdannoye, perevedennoye i ob'yasnennoye I.V. Pomyalovskim) // Pravoslavnyy palestinskiy sbornik. St-Petersburg, 1889. Vyp. 20. S. 31–172.]*

- Повесть о белом клобуке // ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985. С. 198–233.
[Povest' o belom klobuke (The Tale of the White Klobuk) // Pamyatniki literatury Drevney Rusi: Seredina XVI veka. Moscow, 1985. S. 198–233.]
- Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40-х – 70-х годов XVI в. М., 1972. [*Podobedova O.I. Moskovskaya shkola zhivopisi pri Ivane IV. Raboty v Moskovskom Kremlе 40-kh – 70-kh godov XVI v. (Moscow School of Painting under Ivan IV. Works in the Moscow Kremlin in the 40s – 70s of the 16th Century).* Moscow, 1972.]
- Ратишин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях России. М., 1852. [*Ratshin A. Polnoye sobraniye istoricheskikh svedeniy o vsex byvshikh v drevnosti i nyne sushchestvuyushchikh monastyryakh i primechatel'nykh tserkvakh Rossii (A Complete Collection of Historical Information about All Monasteries and Notable Churches of Russia that Existed in the Antiquity and Exist Nowadays).* Moscow, 1852.]
- Роулэнд Д. Две культуры – один Тронный зал // ДРИ: Русское искусство позднего средневековья. XVI век. СПб., 2003. С. 188–201. [*Roulend D. Dve kul'tury – odin Tronnyy zal (Two Cultures – One Throne Hall) // Drevnerusskoye iskusstvo: Russkoye iskusstvo pozdnego srednevekov'ya. XVI vek. St-Petersburg, 2003. S. 188–201.*]
- Сазонова Н.И. «Шествие на ослиати» в России XVI–XVII вв.: содержание и смысловые трансформации // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 2 (4). С. 115–125. [*Sazonova N.I. «Shestviye na oslyati» v Rossii XVI–XVII vv.: sodержaniye i smyslovyye transformatsii (Procession on the Palm Sunday in Russia in the 16th–17th Centuries: Content and Semantic Transformations) // ПРАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki. 2015. № 2 (4). S. 115–125.*]
- Середонин С.М. Известия англичан о России XVI в. / Пер. с англ. С.М. Середонина. М., 1884. С. 18–19. [*Seredonin S.M. Izvestiya anglichan o Rossii XVI v. (Information of Englishmen on Russia in the 16th Century) / Per. s angl. S.M. Seredonina. Moscow, 1884. S. 18–19.*]
- Скабалланович М. Толковый типикон. Киев, 1910. Вып. 1. (Перп.: М., 1995). [*Skaballanovich M. Tolkovyy tipikon (The Typikon with Explanations). Kiev, 1910. Vyp. 1. (Reprint: Moscow, 1995).*]
- Скрипкина Е.В. Обряд «Шествия на ослиати» в контексте церковногосударственных отношений во второй половине XVII в. // Омский научный вестник. 2011. № 6 (102). С. 15–18. [*Skripkina E.V. Obryad «Shestviya na oslyati» v kontekste tserkovnogosudarstvennykh otnosheniy vo vtoroy polovine XVII v. (The Rite of Procession on Palm Sunday in the Context of Church and State Relations in the Second Half of the 17th Century) // Omskiy nauchnyy vestnik. 2011. № 6 (102). S. 15–18.*]

- Сорокатый В.М. Икона «Благословенно воинство небесного царя». Некоторые аспекты содержания // ДРИ. СПб., 1999. [Т. 21]. С. 399–417. [*Sorokaty V.M. Ikona «Blagoslovenno voinstvo nebesnogo tsarya». Nekotoryye aspekty sodержaniya (The Icon ‘Blessed be the Host of the Heavenly Tsar’. Certain Aspects of the Content) // Drevnerusskoye iskusstvo. St-Petersburg, 1999. [T. 21]. S. 399–417.]*
- Стоглав / Изд. Д.Е. Кожанчикова. СПб., 1863. [Stoglav / Izd. D.E. Kozhanchikova. St-Petersburg, 1863.]
- Турилов А.А. Константинов дар в славянской традиции // ПЭ. М., 2015. Т. 37. С. 131. [*Turilov A.A. Konstantinov dar v slavyanskoй traditsii (Donatio Constantini in Slavic Tradition) // Pravoslavnaya entsiklopediya. Moscow, 2015. T. 37. S. 131.]*
- Турилов А.А. Митрополит Киприан и русская культура его времени // Славяноведение. 2017. № 2. С. 3–13. [*Turilov A.A. Mitropolit Kiprian i russkaya kul'tura ego vremeni (Metropolitan Cyprian and the Russian Culture of his Time) // Slavyanovedeniye. 2017. № 2. S. 3–13.]*
- Успенский Б.А. Царь и Патриарх: харизма власти в России: Византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1998. [*Uspenskiy B.A. Tsar' i Patriarkh: kharizma vlasti v Rossii: Vizantiyskaya model' i eye russkoye pereosmysleniye (Tsar and Patriarch: the Charisma of Power in Russia: The Byzantine Model and its Russian Reinterpretation). Moscow, 1998.]*
- Флайер М. К семиотическому анализу Золотой палаты Московского Кремля // ДРИ: Русское искусство позднего средневековья. XVI век. СПб., 2003. С. 178–187. [*Flier M. K semioticheskomy analizu Zolotoy palaty Moskovskogo Kremlya (The Semiotic Interpretation of the Golden Chamber in the Moscow Kremlin) // Drevnerusskoye iskusstvo: Russkoye iskusstvo pozdnego srednevekov'ya. XVI vek. St-Petersburg, 2003. S. 178–187.]*
- Шалина И.А. Икона «Благословенно воинство Небесного Царя...» из Успенского собора Московского Кремля – программный памятник эпохи Василия III // Искусство христианского мира. Сб. статей. М., 2021. Вып. 15. С. 175–194. [*Shalina I.A. Ikona «Blagoslovenno voinstvo Nebesnogo Tsarya...» iz Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlya – programmnuyu pamyatnik epokhi Vasiliya III (The Icon ‘Blessed Be the Host of the Heavenly Tsar...’ from the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin – a Program Monument of the Epoch of Vasily III) // Iskusstvo khristianskogo mira. Sb. statey. Moscow, 2021. Vyp. 15. S. 175–194.]*
- Щепкина М.В. Изображение русских исторических лиц в шитье XV в. // Труды ГИМ: Памятники культуры. М., 1954. Вып. 12. С. 1–26. [*Shchepkina M.V. Izobrazheniye russkikh istoricheskikh lits v shit'ye XV v. (Representation of*

- Russian Historical Personages in the Embroidery of the 15th Century) // Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya: Pamyatniki kul'tury. M., 1954. Vyp. 12. S. 1–26.]
- Constantine Porphyrogenetos*. The Book of Ceremonies. Leiden; Boston, 2017. (Byzantina Australiensia, 18).
- El «Menologio» de Basilio II, emperador de Bizancio (Vat. gr. 1613). Madrid, 2005. (Codices e Vaticanis selecti, Ser. maior № LXIV).
- Flier M.* The Iconology of Royal Ritual in Sixteenth-Century Muscovy // *Byzantine Studies. Essays on the Slavic World and the Eleventh Century*. New York, 1992. P. 53–76. (a)
- Flier M.* The Iconography of Royal Procession: Ivan Terrible and the Muscovite Palm Sunday Ritual // *European Monarchy: Its Evolution and Practice from Roman Antiquity to Modern Times* / Ed. H. Duchhardt, R.A. Jackson. Stuttgart, 1992. P. 109–125. (b)
- Flier M.* Breaking the Code: The Image of the Tsar in the Muscovite Palm Sunday Ritual // *Medieval Russian Culture* / Ed. M.S. Flier and D. Rowland. Berkeley; Los Angeles, 1994. Vol. 2. P. 213–242.
- Flier M.* Court Ceremony in an Age of Reform: Patriarch Nikon and the Palm Sunday Ritual // *Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine* / Ed. S.H. Baron and N. Shields Kollmann. Dekalb, 1997. P. 73–95.
- Grabar A.* L'art de la fin de l'antiquité et du moyen âge. Paris, 1968. V. 1.
- Lucchesi Palli E.* Einzug in Jerusalem // LCI. 1968. Bd. 1. S. 593–597.
- Ostrogorsky G.* Zum Stratudienst des Herrschers in der byzantinisch-slavischen Welt // *Seminarium Kondakovianum: Recueil d'études. Archéologie, histoire de l'art, études byzantines*). Prague, 1935. T. VII. P. 187–204.
- Prozession // LCI. 1971. Bd. 3. S. 465–466.

Nina V. Kvlivdze

PROCESSION. ICONOGRAPHY AND LITURGICAL RITE IN THE TIME OF IVAN THE TERRIBLE

The article deals with Novgorod and Moscow liturgical rites with regard to the Procession on Palm Sunday. They are compared with the Byzantine rites in order to establish the causes and time of the appearance of the tsar in the Moscow divine service. It was believed that Metropolitan Macarius had brought the rite of the Novgorod Saint Sophia Cathedral to Moscow while the form of the Novgorod rite was shaped under the influence of *Donatio Constantini* as represented in the Novgorod literature (*The tale of the white klobuk*). The study has revealed no influence of *Donatio Constantini* on the Novgorod rite. Moscow processions, or *litia* were established in 1551 by the

Decree of the Hundred-Chapter Synod. The significance of the processions as a form of liturgy has an iconographical confirmation (the icon ‘Blessed Be the Host of the Heavenly Tsar’’). The ideological content of the *litia* as a prayer request formulated in the *Decree* corresponds to liturgical texts (Coronation rite), epistles and painted programs (painting of the Golden Chamber of the Moscow Kremlin) of Metropolitan Macarius. They are aimed at forming an ideal image of the Orthodox tsar, whose main feature is piety – the guarantee of the welfare of his state. The participation of Ivan the Terrible in the Procession on Palm Sunday, in our opinion, can be attributed to the liturgical acts of Metropolitan Macarius.

Keywords: Old Russian worship, procession on Palm Sunday, iconography

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-150-178